

Личные отношения с Марксом *Подтверждающие документы № 2*

Декабрь 1871 г.,
Локарно, Швейцария

Но пусть вас это не пугает. Вместо того, чтобы вредить существованию, развитию и расширению Интернационала, этот конфликт, напротив, будет способствовать тому, чтобы еще больше укрепить его, еще лучше определяя его принципы и цель. Этот конфликт был так же неизбежен, как он был неизбежен внутри итальянской демократии, как конфликт, который отделяет вас теперь от сторонников Мадзини. Вы убеждены, не так ли, что ваш разрыв, разрыв огромного большинства итальянской демократической партии с меньшинством секты Мадзини, вместо того, чтобы нанести ущерб этой партии, будет иметь следствием только стимулирование в ней все более народного, свободного и обязательно социалистического развития, увеличит мощь ее идей, ее действенность и с их помощью число ее преданных и серьезных членов.

Точно так же мы убеждены, что огромный протест, который поднимается сегодня в Интернационале против наших собственных мадзинийцев, будет благоприятен для его большего и подлинного развития, так как у нас тоже есть мадзинийство, которое тормозит наш прогресс. Мадзинийство не по отношению к религии, оно — атеистично, как и мы, но в отношении своих авторитарных тенденций.

Это старая история: власть портит даже наиболее умных, наиболее преданных людей. Разумеется, такие люди как Маркс, Энгельс и несколько других немцев, доминирующих сегодня в Генеральном совете в Лондоне, — умные и преданные люди. Они оказали огромные услуги Интернационалу, не как члены Генерального совета, — роль Генерального совета, как это и должно было быть во имя самой свободы развития Интернационала, весьма ограничена нашими общими уставами, а его денежные средства, довольно значительные на бумаге, но ничтожные в действительности, не позволяли ему до сих пор выполнять даже задачи, возложенные на него этими уставами, равно как и резолюциями конгрессов. Так что если Интернационал столь внушительно развился и увеличился за несколько лет, то это надо приписывать не действию Генерального совета, ничтожному по определению, а справедливости и добротности его принципа, который является ничем иным, как наиболее верным и продуманным выражением самых искренних, самых глубоких, самых страстных чаяний пролетариата всех стран. Таким образом, люди, которых я только что назвал, оказали огромные услуги Интернационалу не как члены Генерального совета, бессильного по праву и по факту, а своей пропагандой и своим индивидуальным действием. Маркс — человек очень большого ума и, кроме того, ученый в самом широком и серьезном смысле этого слова. Это глубокий экономист, по сравнению с которым Мадзини, экономические знания которого чрезвычайно поверхностны, может быть с трудом назван школьником. Кроме того, Маркс пламенно предан делу пролетариата. Никто не имеет право в этом сомневаться; так как вот уже скоро 30 лет, как он служит ему с настойчивостью и верностью, в которых никогда нельзя было усомниться. Он отдал всю свою жизнь этому делу. — Мадзини, чье сегодняшнее бессилие изыскивает себе слабое утешение в яде несправедливой ругани, вымышленных баснях и клевете, Мадзини утверждает, что Маркс вдохновляется только ненавистью, а не любовью. Давайте договоримся: глубокая, серьезная, страстная человеческая любовь всегда удваивается ненавистью. Нельзя любить справедливость, не от-

• Личные отношения с Марксом •

вергая несправедливость, ни свободу, не отвергая властолюбие, ни человечество, не отвергая интеллектуальный и духовный источник всех деспотизмов, безнравственный вымысел небесного деспота — Боженьки. Нельзя любить угнетаемых, не отвергая угнетателей, ни, следовательно, любить пролетариат без ненависти к буржуазии. Маркс любит пролетариат, то есть он ненавидит буржуа. Нельзя страстно служить в течение тридцати лет подряд делу, его не любя, и надо иметь мерзкую предрасположенность к клевете, чтобы осмелиться отрицать любовь Маркса к делу пролетариата.

Добавим, наконец, ко всем этим великим и несомненным достоинствам, то, что он был инициатором и главным вдохновителем основания Интернационала.

Вот его заслуги. — Теперь, у любой медали есть оборотная сторона, любой свет дает тени, и у любого человеческого индивида есть свои недостатки. Поэтому никогда нельзя доверять власть ни одному человеку, каким бы гениальным и увенчанным добродетелями он ни был, ни меньшинству, каким бы умным и благонамеренным оно ни являлось, над большой общностью народа; поскольку следуя закону, присущему самой власти, любая власть непременно несет в себе злоупотребление властью, и любое правительство, будь оно даже избрано на всеобщих выборах, неодолимо стремится к деспотизму.

У Маркса стало быть есть свои недостатки. Они таковы:

1) Прежде всего, у него общий недостаток всех профессиональных ученых: он *доктринер*. Он всецело верит в свои теории и с высоты своих теорий пренебрежительно относится ко всем. Знающий и умный, он, конечно, имеет свою партию, ядро слепо преданных друзей, которые клянутся его словами, думают только его мыслями, желают только того, что хочет он, одним словом, которые его боготворят и обожают, и которые этим поклонением его портят и уже значительно испортили. — Ему пришлось в ней вполне серьезно считать себя Папой социализма или скорее коммунизма, так как он всей своей теорией — авторитарный коммунист, желающий, как Мадзини, хотя с другими идеями и намного более реальным, более призем-

ленным образом, нежели Мадзини, освобождения пролетариата централизованной мощью государства.

2) К этому поклонению самому себе в своих абсолютных и абсолютистских теориях Марксу добавилась, как естественное следствие, ненависть не только к буржуа, но и ко всем тем, даже социалистам-революционерам, кто осмеливается ему противоречить и отстаивать идеи, отличные от его теорий.

Маркс — странная вещь для столь умного и самоотверженного человека, которая может быть объяснена только его воспитанием ученого и немецкого беллетриста и, в особенности, его раздражительной природой еврея — Маркс чрезмерно тщеславен и тщеславен до непристойности и до сумасшествия. Если кто-либо имел несчастье задеть его самым невинным в мире образом в этом болезненном тщеславии, всегда обидчивом и всегда раздраженном, он становится его непримиримым врагом; и тогда он считает допустимыми любые средства и на самом деле использует самые постыдные, самые недопустимые из них, чтобы унижить его в глазах общественного мнения. Он лжет, изобретает и старается распространить наиболее грязную клевету против него. — В этом смысле Мадзини все-таки был прав, говоря о его отвратительном характере; но прошу вас заметить, дорогие друзья, что Мадзини сам, несмотря на естественную величину своей души, резко увеличившуюся от его растущего бессилия, в этой последней полемике со своими противниками, прибегнул примерно к тем же методам.

Дело в том, что Мадзини и Маркс, столь разные во всех других отношениях, — и эта разница далека от того, чтобы быть всегда не в пользу Маркса — движимы одной и той же страстью: *политические и религиозные амбиции* у одного, научные и доктринерские у другого; *потребность править, воспитывать и организовывать массы* согласно своей идее. У Мадзини, высшая степень личного бескорыстия, чистота и возвышенность души которого известны, это потребность видеть торжество своих идей, своей партии, своих апостолов. У Маркса, инстинкты которого гораздо менее бескорыстны, чем у Мадзини, это страстное

желание видеть торжество своих идей, пролетариата, а с пролетариатом и своей собственной персоны. Намерение, таким образом, выше и, главным образом, бескорыстнее у одного, более эгоистично у другого; но и в том, и в другом случае оно приводит к одним и тем же махинациям.

Зло — в стремлении к власти, в любви к правлению, в жажде авторитета. И Маркс глубоко поражен этим злом.

3) Этому во многом способствует его теория. Глава и вдохновитель, если не главный организатор партии немецких коммунистов, в целом он слабый организатор, имеющий скорее талант к разделению интригой, чем к организации. Он — *авторитарный коммунист, и сторонник освобождения и новой организации пролетариата государством*, то есть сверху вниз, через разум и научный подход просвещенного меньшинства, исповедующего, естественно, социалистические взгляды, и осуществляющего *законную власть над невежественными и глупыми массами* для блага их же самих. — Это примерно тот же политический строй, что и у Мадзини, только с различными программами. Это частично объясняет их большую взаимную ненависть и их равную неспособность быть справедливыми друг к другу. Они разделены не только своими идеями, своими программами, они одновременно конкуренты в борьбе за одну и ту же власть. Так как оба, один для своих идей и их апостолов, другой для своих идей и себя самого, не удовлетворяясь надеждой управлять однажды своей собственной страной, мечтают о *всемирной власти, о всемирном государстве*: Мадзини посредством Италии, вначале организованной согласно его идеям и становящейся затем правительницей мира, Маркс посредством Германии, немецкой расы, которая согласно ему должна возродить мир. — Мадзини — итальянист, а Маркс — *пангерманист* до мозга костей.

Между ними есть разница, которая говорит в пользу Мадзини. Мадзини любит своих верных друзей, своих апостолов больше, чем себя самого; он очень снисходителен, иногда даже слишком снисходителен к ним, и он довольно щедр, чтобы прощать от всего сердца несправедливость, оскорбления, ошибки своих друзей против него **самого как**

личности. То, чего он не прощает, — это измены своей религии, своим божественным идеям...

Маркс любит свою собственную персону гораздо больше, чем своих друзей и своих апостолов, и любая дружба не выдержит самой легкой раны, нанесенной его тщеславию. Он гораздо охотнее простит неверность своей философской и социалистической системе; он будет считать это доказательством глупости, или по крайней мере интеллектуальной неполноценности своего друга, и это доставит ему удовольствие. Не видя в нем более соперника, способного быть ему равным, возможно он будет любить его больше. Но он никогда не простит никому личного неуважения: надо его обожать, боготворить его, чтобы быть любимым им; по крайней мере бояться его чтобы терпеть от него; он любит окружать себя раболепствующими, прислужниками, льстецами. Тем не менее, в его близком окружении есть несколько выдающихся людей.

Но в общем надо сказать, что в ближнем окружении Маркса очень мало братской искренности, зато много задних мыслей и дипломатии. Это что-то вроде глухой борьбы и неожиданных компромиссов между различными самолюбиями. И там, где тщеславие идет в ход, братству совершенно нет места. Каждый держится настороже, поскольку опасается быть принесенным в жертву, раздавленным в свою очередь. Весь круг Маркса, это что-то вроде взаимного контракта между составляющими его тщеславиями. Маркс там главный распределитель почестей, но также постоянно вероломный и притворяющийся, никогда не откровенный и открытый подстрекатель травли против индивидов, которые бросили на него тень, или которые имели несчастье не оказать ему той почтительности, которую он ожидал от них.

Как только он организует травлю, она не останавливается ни перед какой низостью, ни перед какой подлостью. Сам еврей, он имеет вокруг себя, как в Лондоне, так и во Франции, но, главным образом, в Германии, толпу еврейчиков, более или менее умных, интригующих, суесящихся, спекулирующих, как евреи повсюду. Банковские или коммерческие агенты, писаки, политики, корреспонденты

газет всех мнений и цветов, брокеры от литературы, одним словом, и одновременно финансовые брокеры, одной ногой в банке, другой — в социалистическом движении, и задом усевшиеся на повседневной литературе Германии. Они захватили все газеты, и вы можете вообразить, сколь тошнотворной должна быть эта литература.

Итак, весь этот еврейский мир, образующий эксплуатирующую секту, народ-пиявку, единого прожорливого паразита, тесно и глубоко организованного не только сквозь границы государств, но и через все разнообразие политических мнений, этот еврейский мир сегодня по большей части находится в распоряжении Маркса с одной стороны, и Ротшильдов с другой. Я уверен, что Ротшильды, со своей стороны, ценят заслуги Маркса, и что Маркс, с другой, чувствует инстинктивную привлекательность и большое уважение к Ротшильдам.

Это может показаться странным. Что он может быть общего между коммунизмом и высокими банковскими сферами? Но дело в том, что коммунизм Маркса желает мощной централизации государства, а там, где есть централизация государства, сегодня обязательно должен иметься Центральный банк государства, а там, где подобный банк существует, паразитирующая нация евреев, спекулирующая на работе народа, всегда найдет средства к существованию...

Как бы там ни было, является фактом, что наибольшая часть этого еврейского мира, сейчас в распоряжении Маркса, в особенности, в Германии. Достаточно, чтобы он указал на кого-либо, как объект гонений, чтобы поток оскорблений, наиболее грязной ругани, нелепой и гнусной клеветы, поднялся против того во всех социалистических и несоциалистических, республиканских и монархических газетах. В Италии, где чувство взаимной деликатности и уважения человека, по крайней мере формально, столь строго соблюдается, не могут себе представить грязный тон и действительно гнусный характер газетной полемики немецкой прессы. Еврей-писатели отличаются, главным образом, в искусстве инсинуаций, трусливых, грязных и вероломных. Редко они обвиняют открытым образом, но намекают, что «они слышали, как утверждают, это могло бы

показаться неверным, но, однако ...», и затем вам швыряют в лицо самую нелепую клевету.

Я об этом знаю кое-что на собственном опыте. Маркс и я, мы — старые знакомые. Я его впервые встретил в Париже в 1844 году. Я уже был эмигрантом. Мы были на довольно дружеской ноге. Он был тогда намного более продвинутом, чем я. Он и сегодня остается не столь продвинутым, сколь несравненно более ученым, чем я. Я не знал тогда ничего о политэкономии, не отделался еще от метафизических абстракций, и мой социализм был только инстинктом. Он, хотя и моложе меня, был уже атеистом, ученым-материалистом и вдумчивым социалистом. Именно в эту эпоху он выработал первые основания своей нынешней системы. Мы виделись довольно часто, так как я весьма уважал его за науку и страстную и серьезную приверженность делу пролетариата, хотя и постоянно смешанную с личным тщеславием. Я с жадностью искал разговоров с ним, всегда поучительных и возвышенных, когда они не вдохновлялись мелочной злобой, то, что случалось, увы, слишком часто. Однако никогда между нами не было полной откровенности. Наши темпераменты не выносили друг друга. Он называл меня сентиментальным идеалистом, и он был прав; я называл его вероломным и скрытным тщеславцем; и я был тоже прав.

В 1848 году наши мнения разделились. И я должен сказать, что правда была гораздо более на его стороне, чем на моей. Он только что основал секцию немецких коммунистов как в Париже, так и в Брюсселе, и в союзе с французскими и несколькими английскими коммунистами, образовал, при поддержке своего друга и неразлучного спутника Энгельса, первое Международное товарищество коммунистов различных стран в Лондоне. Там он написал вместе с Энгельсом от имени этого товарищества чрезвычайно значимую работу, известную под названием *Коммунистический манифест*.

Я, опьяненный революционным движением в Европе, был гораздо более взволнован отрицательной, чем положительной стороной этой революции, то есть в большей степени свержением того, что было, чем строительством и организацией того, что должно было быть.

Однако, здесь был пункт, где был прав я, а не он. Как славянин, я хотел освобождения революцией славянской расы из-под немецкого ярма, то есть разрушения русской, австрийской, прусской и турецкой империй, и реорганизации народов, снизу доверху, их собственной свободой, на базе полного экономического и общественного равенства, а не силой власти, какой бы революционной она себя ни называла, и какой бы разумной она ни была в действительности.

Уже тогда разница систем, которая нас разделяет сегодня, вырисовалась теперь уже совершенно осмысленным с моей стороны образом. Мои идеи и мои устремления должны были очень не нравиться Марксу, прежде всего потому, что они не были его; затем потому, что они были противоположны его убеждениям авторитарного коммуниста; наконец, потому, что как немецкий патриот, он не допускал тогда, как не допускает и сейчас, права славян освободиться от ярма немцев, думая, сегодня, как и тогда, что немцы призваны их цивилизовать, то есть волей-неволей германизировать.

Чтобы наказать меня за смелость продолжать осуществление идеи, отличной и даже противоположной его собственной, Маркс отомстил тогда в своем духе. Он был редактором «Рейнской газеты», которая публиковалась в Кельне. В одном из ее номеров я прочитал сообщение из Парижа, где говорилось, что *госпожа Жорж Санд* (с которой я был связан в свое время) *будто бы сказала кому-то*, что надо остерегаться Бакунина, поскольку *возможно он действительно нечто вроде русского агента*.

Это обвинение свалилось на меня внезапно, как булыжник на голову, в тот самый момент, когда я был в самом разгаре революционного процесса, и в течение нескольких недель полностью парализовало мои действия. Все мои немецкие и славянские друзья отделились от меня. Я был тогда первым русским, который активным образом вмешался в революцию. И мне не нужно вам объяснять, какие обычные, традиционные чувства недоверия испытывает на первых порах любой западный ум, когда он слышит о русском революционере. — Тогда я написал вначале *госпоже Санд*. Она поспешила ответить мне, направив копию

письма, которое послала в редакцию «Рейнской газеты», в котором она категорично и сурово уличала ее во лжи. Я находился в Бреслау, и послал одного друга, поляка, в Кельн, чтобы потребовать полного опровержения по всей форме. Маркс отрекся, переложив ошибку на парижского корреспондента, и заявил, что газета опубликовала это сообщение в его отсутствие; что он меня слишком долго знает, чтобы он мог когда-либо и т. д., и т. д., силой комплиментов и заверений в дружбе и уважении — все осталось на своих местах.

Я встретил его несколькими месяцами позже в Берлине. Общие друзья вынудили нас обняться. И тогда, посреди наполовину шутливого, наполовину серьезного разговора, Маркс мне говорит: «Знаешь ли ты, что я нахожусь теперь во главе столь хорошо дисциплинированного тайного коммунистического общества, что, если бы я сказал одному из его членов: „Иди, убей Бакунина“, он бы тебя убил». — Я ему ответил, что, если у тайного общества нет других дел, чем убивать людей, которые ему не нравятся, то оно может быть только обществом прислужников или нелепых хвастунов...»

После этого разговора мы больше не виделись до 1864 года.

В 1849 году я был арестован. — Осужденный и приговоренный к смертной казни в Саксонии, я был выдан в Австрию в 1850 году, поскольку, несмотря на то, что мои два товарища (Рокель и Хаубнер) и я, мы втроем отказались просить о пощаде, король Саксонии не захотел казнить никого. Осужденный и приговоренный к смертной казни в Австрии, я был выдан в 1851 году в Россию. Австрия дала обещание королю Саксонии меня не казнить, обещание, которое Россия должна была подтвердить все тому же королю Саксонии, который был страстным ботаником, и который, как видите, вовсе не был злым человеком. В России, я провел 6 лет в крепости. В 1857 году я был выслан в Сибирь, а в 1861 году убежал из Сибири через Японию, Тихий океан, Сан-Франциско, Панамский перешеек, Нью-Йорк. В конце декабря 1861 года я прибыл в Лондон.

Там я встретил моих соотечественников Герцена и Ога-

рева и через них познакомился с Мадзини. И вот что Герцен, Огарев и Мадзини мне рассказали.

В то время как я был далек от развлечений в немецких и русских крепостях и в Сибири, Маркс и компания распространяли сплетни, писали, публиковали против меня как в английских, так и немецких газетах самые гнусные слухи, говоря, что это полная ложь, будто я заключен в какую-то крепость; что напротив, император Николай принял меня с распростертыми объятьями, предлагая мне все удобства, все радости жизни, что я провожу время с женщинами легкого поведения и шампанским и т. д., и т. д.

Это было гнусно, но это было также и глупо... Впрочем, они были достаточно наказаны, и я должен быть вечно признателен Мадзини и его благородному другу поляку Ворцелю, главе польской демократии, энергично выступивших на моей стороне в то время как я отсутствовал и не мог защищаться сам. — Едва я прибыл в Лондон, как английская газета, редактируемая неким Уркартом, полубезумным туркофилом, написала, что русское правительство, очевидно, послало меня, чтобы заниматься шпионажем. Я ответил в газете, требуя от клеветника-анонима назвать себя и обещая ответить ему не с пером в руке, но рукой без пера. — Он принял всерьез сказанное, и меня оставили в покое.

Я оставался весь 1862 год в Лондоне, естественно, не пытаясь встретиться с Марксом. В начале 1863 года я уехал в Швецию для того, чтобы там работать для русской революции, которая должна была прийти на помощь польской революции; я даже принял участие в экспедиции морем, которая должна была перенести нас на берега Польши. Преданные английским капитаном парохода, который должен был нас туда отвезти, мы едва смогли ускользнуть от русского военного корабля, который нас преследовал. В конце 1863 года я возвратился из Швеции в Лондон, и оттуда уехал через Бельгию, Францию и Швейцарию в Италию, снабженный рекомендательными письмами Мадзини и моего предшествующего друга Аурельо Саффи ко всем друзьям. — Был в Капрера, где имел честь познакомиться с генералом Гарибальди. — Я провел зиму и часть лета

• Михаил Бакунин •

в Тоскане, и в августе 1864 года возвратился через те же страны в Швецию. В октябре я снова возвратился в Лондон. — Именно тогда я получил от Маркса записку, которая еще хранится у меня, и в которой он спрашивает, могу ли я принять его у себя на следующий день. Я ему ответил, что да, и он пришел. У нас тогда случилось объяснение; он мне поклялся, что никогда ничего не говорил и не делал против меня, что, напротив, он всегда сохранял ко мне большое уважение и искреннюю дружбу. — Я знал, что сказанное было неправдой, но я действительно не таил к нему никакой злобы. Впрочем, возобновление знакомства больше интересовало меня в другом отношении. Я знал, что он мощно способствовал основанию Интернационала. Я прочитал манифест, который он написал от имени временного Генерального совета, значительный, серьезный и глубокий манифест, как все то, что выходит из-под его пера, когда он не занимается личной полемикой. Наконец, мы расстались внешне очень хорошими друзьями, однако, без того, чтобы я нанес ему ответный визит.

Я возвратился во Флоренцию, где провел целую зиму; оттуда весной 1865 года я уехал в Неаполь и остался там до сентября 1867 года — эпохи первого конгресса Лиги мира и свободы, в Женеве.

Мы обменялись несколькими письмами с Марксом. Затем мы снова потеряли друг друга из виду.

Как раз во время этого конгресса мира в Женеве, старый коммунист Филипп Беккер, как и он, один из основателей Интернационала, и его друг, хотя на немецкий фасон, то есть не желающий лучшего, чем сказать худшее, и готовый повесить, если он может это сделать, не компрометируя себя, вручил мне от имени Маркса первый том, единственный, появившийся до настоящего времени, труда чрезвычайно важного, ученого, глубокого, хотя и очень абстрактного, озаглавленного «*Капитал*».

В этом случае я совершил огромную ошибку: я забыл написать Марксу, чтобы его поблагодарить. Несколько месяцами позже...

(На этом месте рукопись обрывается.)